

Н.С. Тихонравов

**Летописи русской
литературы и древности**

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Н11

Н11 **Н.С. Тихонравов**
Летописи русской литературы и древности: Том 5 / Н.С. Тихонравов – М.:
Книга по Требованию, 2020. – 452 с.

ISBN 978-5-518-05609-1

ISBN 978-5-518-05609-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ.

МАКСА МЮЛЛЕРА.

(Из *Oxford Essays*, 1856.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Н. М. ЖИВАГО.

Федръ. Видишь ли ты этотъ высокій платанъ?

Сократъ. А что?

Федръ. Подъ нимъ есть и тѣнь съ умѣренной прохладой, есть и трава, чтобы сѣсть или прилечь, если захотимъ.

Сократъ. Такъ веди туда.

Федръ. Скажи, Сократъ, не здѣсь ли гдѣ-то, на берегахъ Илисса, Оритія, какъ говорятъ, была похищена Бореемъ?

Сократъ. Да, говорятъ.

Федръ. Не съ этого ли именно мѣста? здѣсь, кажется, воды такъ чисты и прозрачны, и все такъ удобно для дѣвичьихъ игръ.

Сократъ. Нѣтъ, на двѣ или на три стадіи ниже, тамъ, гдѣ переходъ къ храму Агры; тамъ еще гдѣ-то есть и жертвенникъ Борею.

Федръ. Я этого не зналъ; но скажи, Сократъ, ради Зевса, вѣришь ли ты въ истину этого сказанія?

Сократъ. Неудивительно было бы, если бы и я, заодно со всѣми мудрыми людьми, сталъ отвергать это сказаніе; тогда бы и я сталъ мудрствовать и говорить, что Оритію унесло порывомъ сѣвернаго вѣтра съ одной изъ близъ лежащихъ скалъ, гдѣ она играла съ своей подругой Фармакеей; а потомъ, когда она такимъ образомъ погибла, стали говорить, что она была похищена Бореемъ отсюда или съ холма Ареса: потому что существуетъ еще другое сказаніе, будто похищеніе совершилось съ того холма, а не отсюда. Но, Федръ, хотя я и признаю всю заманчивость подобныхъ объясненій, я думаю однако, что они требуютъ человѣка съ особенной энергіей мысли и

способностью къ усиленному труду, и притомъ едва ли участь такого человѣка была бы завидна, потому уже, что, покончивъ съ этимъ миеомъ, онъ бы долженъ былъ тѣмъ же самымъ путемъ возстановлять первоначальный смыслъ Иппонентавровъ, потомъ Химеры, а тамъ нахлынетъ цѣлый сонмъ всѣхъ этихъ Горгонъ, Пегасовъ и другихъ необъяснимыхъ и по большей части нелѣпо-баснословныхъ существъ. Много нужно досуга тому, кто, не вѣря въ дѣйствительное бытіе всѣхъ этихъ существъ, захотѣлъ бы путемъ не очень тонкихъ умствованій, приснать для каждаго изъ нихъ правдоподобное объясненіе. Что до меня касается, то у меня совсѣмъ нѣтъ на это времени, по той причинѣ, другъ мой, что до сихъ поръ я не успѣлъ еще, по изреченію дельфійскаго оракула, узнать самого себя: вотъ почему, мнѣ кажется, было бы странно, еслибы, не узнавъ сперва этого, я взялся за другое, постороннее. Потому, устраяя отъ себя всѣ такіе вопросы, я слѣдую на этотъ счетъ общепринятымъ вѣрованіямъ, а самъ, какъ сейчасъ сказалъ, размышляю не объ этомъ, а о самомъ себѣ: что я такое? звѣрь ли какой, быть можетъ, сложнѣе и неукротимѣе самаго Тифона? или же существо болѣе кроткое и простое, которому природа назначила благородный и скромный удѣлъ? Но, другъ, не это ли то самое дерево, къ которому лежалъ нашъ путь?

Федръ. То самое.

Это мѣсто изъ вступленія къ *Федру* Платона было не разъ приводимо для того, чтобы показать, какъ мудрѣйшій изъ Грековъ думалъ о рационалистахъ своей эпохи. Въ то время въ Аѳинахъ, какъ вездѣ и во всѣ времена, были люди, которые, утративъ вѣру въ чудесное и сверхъестественное, не имѣли достаточно нравственнаго мужества, чтобы безусловно отрицать то, вѣрить чему они не могли себя заставить, и потому старались найти объясненіе, которымъ бы легенды, дошедшія по преданію и освященные религиозными обрядами и авторитетомъ закона, примирялись съ требованіями разума и съ законами природы. Что Сократъ, хотя и самъ приговоренный къ смерти за невѣріе, имѣлъ не очень высокое мнѣніе о такихъ мыслителяхъ, что онъ считалъ ихъ объясненія нелѣпными и невѣроятными болѣе самыхъ невѣроятныхъ вымысловъ греческой миеологии, и даже въ известную пору своей жизни смотрѣлъ на эти попытки истолкованія миеовъ, какъ на профанацию святыни — это ясно какъ изъ приведеннаго отрывка, такъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ, встрѣчающихся у Ксенофонта и у самого Платона. Но когда Гротъ въ своей классической „Исторіи Греціи“ пользуется этимъ мѣстомъ и другими сходнаго содержа-

нія, какъ бы для того, чтобы приравнять Сократа къ историкамъ и критикамъ нашего времени, когда онъ свидѣтельствомъ Сократа хочетъ доказать всю бесполезность „доискиваться въ миеахъ греческаго міра небывалой въ нихъ реальной, истинной основы;“ то нѣтъ сомнѣнія, что знаменитый историкъ хочетъ видѣть въ словахъ греческаго философа болѣе того, что въ нихъ дѣйствительно заключается. Цѣль, которую мы имѣемъ при изученіи миеовъ какъ Грековъ, такъ и всякаго другаго народа древняго міра, такъ далека отъ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Сократъ, что едва ли сказанное имъ въ укоръ современнымъ ему аеинскимъ раціоналистамъ можетъ быть примѣнено къ намъ. Напротивъ, мы думаемъ, можно доказать, что съ нашей точки зрѣнія изученіе миеовъ составляетъ часть той самой задачи, въ разрѣшеніи которой Сократъ полагалъ единственную достойную цѣль философіи. Ибо чтò въ настоящее время заставляетъ насъ задавать себѣ вопросъ о происхожденіи греческихъ миеовъ? Зачѣмъ люди изучаютъ древнюю исторію, мертвые языки, зачѣмъ разбираютъ загадочныя надписи? Что заставляетъ ученыхъ интересоваться литературными памятниками не только Греціи и Рима, но и древней Индіи, Персіи, Египта и Вавилона? Отчего младенческія и часто весьма неизящныя преданія дикихъ племенъ привлекаютъ вниманіе ученаго и занимаютъ его мысль? Развѣ мало было говорено, что въ одномъ номерѣ Теймса болѣе мудрости, чѣмъ въ цѣломъ Ѳукидидѣ? Развѣ романы Вальтеръ-Скотта не занимательнѣе Аполлодора? И сочиненія Бэкона не поучительнѣе ли космогоніи индійскихъ Пуранъ? Что же даетъ жизнь изученію древняго міра? Что же въ нашъ дѣловой, практической вѣкъ заставляетъ людей жертвовать своимъ досугомъ для занятій, которыя, повидимому, такъ непривлекательны и бесполезны, — что иное, какъ не убѣжденіе, что, еслимы, по совѣту дельфійскаго оракула, хотимъ узнать, что такое человекъ *есть*, мы должны напередъ узнать, *чѣмъ онъ былъ*? Отъ такого воззрѣнія Сократъ былъ такъ же далекъ, какъ и отъ всѣхъ началъ индуктивной философіи, съ помощію которыхъ люди подобные Колумбу, Леонардо-да-Винчи, Копернику, Кеплеру, Бэкону и Галилею, возродили и утвердили умственную жизнь новой Европы. Соглашаясь вмѣстѣ съ Сократомъ, что главная цѣль философіи есть самопознаніе, мы едва ли можемъ признать средства, предлагаемыя Сократомъ для достиженія этого познанія, вполнѣ соответствующими столь возвышенной цѣли. Сократъ видѣлъ въ человекѣ по преимуществу инди-

видуумъ, человѣческую душу саму по себѣ (an sich), не принимая въ соображеніе того, что каждый человѣкъ есть отдельное проявленіе одной общей силы, или, какъ бы выразился Сократъ, единой идеи, которая осуществляется въ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ душъ. Сократъ пытается разгадать тайну человѣческой природы, постоянно углубляясь въ собственный духъ, наблюдая таинственныя движенія души, анализируя познавательныя способности, стараясь опредѣлить точныя границы, въ которыхъ совершается дѣятельность каждой изъ нихъ: такимъ путемъ окончательный выводъ, къ которому философія приводила Сократа, былъ тотъ, что онъ знаетъ только, что ничего не знаетъ. Для насъ человѣкъ уже не есть болѣе это изолированное, законченное и находящее удовлетвореніе въ самомъ себѣ существо; для насъ человѣкъ — братъ въ семьѣ братьевъ, членъ цѣлой расы и потому можетъ быть постигнутъ только въ совокупности всѣхъ ему подобныхъ. Для древнихъ самая земля наша была загадкой, потому что они видѣли въ ней нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто, не имѣющее ничего подобнаго себѣ во всемъ мірозданіи; но эта самая земля получила настоящее и новое значеніе, какъ скоро человѣкъ научился видѣть въ ней одну изъ множества планетъ, которыя всѣ управляются общими законами и обращаются вокругъ одного общаго центра. То же самое и относительно духовной природы человѣка: она представляется намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ сознавать и чувствовать себя членомъ единой великой семьи — какъ бы одну изъ мириадъ подвижныхъ звѣздъ, которыя всѣ повинуются однимъ общимъ законамъ, обращаются вокругъ одного общаго центра и заимствуютъ свѣтъ изъ одного общаго источника. Всемирная или, какъ ее обыкновенно называютъ, „всеобщая“ исторія проложила новые пути для мысли, обогативъ нашу рѣчь новымъ словомъ, котораго не произносили уста Сократа, Платона и Аристотеля. Это слово: *человѣчество*. Гдѣ Грекъ видѣлъ варваровъ, мы видимъ братьевъ; гдѣ Грекъ видѣлъ героевъ и полубоговъ, мы видимъ родичей и предковъ; гдѣ Грекъ видѣлъ отдѣльныя народности (*ἔθνη*), тамъ мы видимъ одно *человѣчество*, которое живетъ, борется и страдаетъ, разлученное океанами, раздѣленное языкомъ и народными распрями, но тѣмъ не менѣе неуклонно, подѣ Божественнымъ верховодствомъ, стремящееся къ осуществленію тѣхъ неисповѣ-

димыхъ цѣлей, для которыхъ созданъ міръ и среди его поставленъ человѣкъ, носящій на себѣ образъ и подобіе божіе. Потому-то великая книга исторіи, съ ея листами, покрытыми пылью и плесенью вѣковъ, священна для насъ такъ же, какъ и книга природы. Мы читаемъ или по крайней мѣрѣ пытаемся читать въ ней отраженіе вѣчныхъ законовъ. Какъ въ природѣ мы не признаемъ уже дѣйствія демоническихъ силъ или присутствія злаго начала, такъ и въ исторіи мы отвергаемъ безсмысленное стеченіе случайностей или произволъ нѣмага рока. Мы убѣждены, что въ исторіи и въ природѣ нѣтъ ничего неразумнаго и что въ обихѣ человѣкъ призванъ познавать и чтить проявленія Божественной Силы. Вотъ почему самыя ветхія и поблеклыя страницы преданій такъ дороги намъ, быть можетъ, дороже наиболѣе обильныхъ содержаніемъ главъ въ исторіи новаго времени. Исторія этихъ отдаленныхъ вѣковъ и людей, столь чуждыхъ, по видимому, нашимъ современнымъ интересамъ, получаетъ высокую прелесть при мысли, что она открываетъ намъ исторію нашего собственнаго рода, нашей родной семьи, скажемъ болѣе — исторію насъ самихъ. Такъ иной разъ, — когда намъ случится, заглянувъ въ ящикъ письменнаго стола, который мы не открывали въ теченіи многихъ лѣтъ, перечитать письма, которыхъ мы въ теченіи многихъ лѣтъ не брали въ руки, — мы начинаемъ читать равнодушно, и хотя узнаемъ свой собственный почеркъ, хотя и встрѣчаемъ имена, когда-то близкія нашему сердцу; однако трудно вѣрится намъ, что *мы* писали эти строки, мы чувствовали эти страданія, мы раздвѣляли эти радости..... Но вотъ мало по малу прошедшее какъ будто придвигается къ намъ, мы сами какъ будто идемъ на встрѣчу этому прошедшему, сердце наше начинаетъ согрѣваться, и мы снова переживаемъ то, что чувствовали когда-то, давно, и вѣримъ, что эти письма дѣйствительно наши. Нѣчто подобное испытывается нами при чтеніи древней исторіи: сперва она кажется намъ какъ будто чуждой и странной; но чѣмъ пристальнѣе мы вчитываемся, тѣмъ болѣе увлекаемся, и исторія этихъ древнихъ, такъ давно отжившихъ поколѣній становится какъ бы исторіею нашего собственнаго прошедшаго — ихъ страданія нашими страданіями, ихъ радости нашими радостями. Безъ этого сочувствія къ прошедшему исторія — мертвая буква, и не жаль

было бы сжечь и забыть ея лѣтописи; но, оживленная этимъ чувствомъ симпатіи, исторія становится дорога не только для археолога, но и для всякаго живаго человѣка. Мы видимъ себя на сценѣ, на которой до нашего появленія уже сошло нѣсколько дѣйствій, и на которой мы въ свою очередь призваны играть. Чтобы узнать эту доставшуюся на нашу долю роль, мы должны предварительно познакомиться съ тѣми, кого намъ суждено замѣнить на сценѣ исторіи. Мы видимъ, что одна общая идея должна проходить чрезъ всю великую драму человѣчества. Поэтому естественно оглянуться назадъ, на тѣ явленія, на которыя уже опустилась завѣса прошедшаго. Тутъ приходитъ на помощь историческая наука и вручаетъ намъ путеводную нить, соединяющую прошедшее съ настоящимъ. Многія явленія прошедшаго исчезли невозвратно, и самыя любопытныя изъ нихъ, тѣ, которыми открывається младенчество человѣческаго рода, извѣстны намъ только въ скудныхъ обломкахъ. Вотъ почему, когда археологу удастся открыть какой-нибудь новый останокъ этой отдаленной поры, онъ хватается за него съ жадностью біографа, которому нечаянно попались въ руки клочки, исписанные его героемъ еще въ дѣтствѣ — когда онъ былъ еще вполне самимъ собою, когда жизнь еще не успѣла наложить на его челѣ свою тѣнь. Вотъ отчего каждое слово, каждая строка, на какомъ бы ни было языкѣ, такъ дороги намъ, если онѣ носятъ отпечатокъ раннихъ дней человѣчества. Вотъ отчего мы такъ тщательно собираемъ въ нашихъ музеяхъ безыскусственные игрушки, занимавшія младенчество нашего героя, стараемся въ ихъ колоссальныхъ чертахъ угадать тѣ думы, символомъ которыхъ онѣ нѣкогда служили. Многое до сихъ поръ остается необъясненнымъ и гіероглифическій языкъ древности только вполонину выдаетъ первоначальныя бессознательныя стремленія человѣческаго духа. Не смотря на то, подъ какимъ то небомъ мы ни встрѣчали человѣка, мы убѣждаемся болѣе и болѣе, что искони его нравственный образъ былъ благороденъ и свѣтелъ; самыя его ошибки и сновидѣнія получаютъ смыслъ въ нашихъ глазахъ. На всемъ пространствѣ, на какомъ мы можемъ прослѣдить путь человѣчества въ глубину прошедшаго, даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ исторіи, мы видимъ, что божественный лучъ разума былъ искони присущъ человѣку,

и въ настоящее время невозможна болѣе мысль, что человѣчество, для того, чтобы достигнуть своей настоящей высоты, должно было медленно и постепенно подниматься изъ состоянія грубой животности. Языкъ, первое созданіе творческаго духа челоѣвка, не только превосходящее древностью самыя ранніе памятники письменности, но предвѣряющее даже первый лепетъ преданія, составляетъ непрерывную цѣпь, которая тянется отъ перваго разсвѣта исторіи до нашихъ дней. Мы говоримъ языкомъ, которымъ говорили первые родоначальники нашего племени; и этотъ языкъ съ его дивнымъ строеніемъ представляетъ неопровержимое свидѣтельство противъ такой грубой клеветы. Происхожденіе языка; образованіе корней, постепенное опредѣленіе значенія словъ, систематическая выработка грамматическихъ формъ, весь этотъ процессъ, который мы еще можемъ прослѣдить подъ поверхностью нашего слова, свидѣтельствуеетъ, что въ челоѣкѣ искони жила и дѣйствовала разумная душа: по достоинству творенія мы судимъ о самомъ художникѣ.

Періодъ, въ продолженіе котораго, такъ сказать, отчеканивались выраженія для самыхъ необходимыхъ понятій, каковы мѣстоименія, предлоги, числительныя и слова, относящіяся къ обиходу самой простой и безыскусственной домашней жизни — періодъ, къ которому должны быть отнесены первыя начала грамматики, не органической, а еще только агглютинативной, (еще незапечатлѣнной народными и индивидуальными особенностями, но уже заключающей въ себѣ зародыши всѣхъ туранскихъ, арійскихъ и симитическихъ формъ языка): — это есть первый періодъ въ исторіи челоѣчества, первый по крайней мѣрѣ, до котораго можетъ проникнуть самый зоркій глазъ антикварія и философа — мы назовемъ его періодомъ образованія словъ (rhetic period).

За этимъ періодомъ необходимо предположить второй, въ теченіе котораго по-крайней мѣрѣ двѣ семьи языковъ оставили первую степень, степень агглютинаціи, и приняли тотъ особый характеръ формаціи, который мы доселѣ встрѣчаемъ во всѣхъ нарѣчійхъ, извѣстныхъ подъ именемъ языковъ симитическихъ и арійскихъ, въ отличіе отъ языковъ туранскихъ, которые гораздо долѣе сохраняли и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще сохраняютъ эту способность образованія словъ путемъ агглютинаціи, что дѣлаетъ невозможной или по крайней мѣрѣ зна-

чительно затрудняетъ всякую опредѣленную систему грамматики. Потому въ туранскихъ языкахъ, разсѣянныхъ отъ Китая до Пиреней, отъ мыса Коморива чрезъ кавказскія горы до Лапландіи, мы не находимъ этого семейнаго родства, на основаніи котораго мы признаемъ языки нѣмецкій, славянскій, кельтскій, италійскій, греческій, иранскій и индусскій съ одной, и языки: арабскій, арамейскій и еврейскій съ другой стороны— за видоизмѣненія двухъ главныхъ основныхъ формъ языка, въ которыхъ очень рано и подъ вліяніемъ чисто-политическихъ, если даже не индивидуальныхъ личныхъ условій, колеблющіеся грамматическіе элементы установились и приняли характеръ амальгамы вмѣсто прежней агглютинаціи. Этотъ второй періодъ можно назвать періодомъ образованія діалектовъ, нарѣчій (dialectical period).

Послѣ этихъ двухъ періодовъ, но еще до появленія первыхъ памятниковъ народной литературы, идетъ еще періодъ, вездѣ ознаменованный одними общими характеристическими чертами: этотъ періодъ называютъ миеопеическимъ или періодомъ происхожденія миеовъ. Этотъ періодъ, который всего труднѣе объяснить себѣ въ исторіи человѣчества, всего болѣе способенъ потрясти въру въ правильный прогрессъ человѣческаго разума.

Мы можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о происхожденіи языка, о постепенномъ образованіи грамматики, о неизбѣжномъ раздѣленіи языковъ и нарѣчій. Мы можемъ объяснить себѣ первоначальное происхожденіе политическихъ обществъ, установленіе законовъ и обычаевъ, происхожденіе религіи и поэзіи. Но между этими двумя періодами лежитъ бездна, наполнить которую, кажется, не въ состояніи никакая философія. Этотъ періодъ называютъ миеическимъ, и мы не можемъ привыкнуть къ мысли, что на примѣръ тѣмъ Грекамъ, какихъ мы знаемъ изъ поэмъ Гомера, — Грекамъ, такъ много успѣвшимъ въ изящныхъ искусствахъ, уже знакомымъ съ тѣми удобствами жизни, какія мы находимъ на примѣръ въ дворцахъ Алкиноя и Менелая, съ народными собраніями и гражданскимъ краснорѣчіемъ, съ зрѣлой мудростью Нестора и предприимчивой хитростью Одиссея, съ такими идеалами женственной прелести, какъ Елена и Навсикая, — могло предшествовать поколѣніе людей,